

А. А. Панченко
(ИРЛИ РАН)

«Гдовский текст» русской поэзии: к топологии транзитивных пространств

Понятие «локальный текст» довольно широко и по-своему разнообразно используется в постсоветских гуманитарных науках. Не последнюю роль здесь сыграли труды «московско-тартуской школы» и лично В. Н. Топорова, посвятившего ряд работ феноменологическому истолкованию города (главным образом — Петербурга) одновременно и «как текста», и «как механизма порождения текстов». Рассуждая не вполне материалистически, Топоров и солидарные с ним ученые полагали, что «город оказывается причиной и создателем своей истории, мифологии, литературы и одновременно их следствием и созданием».¹ Разного рода органицизм применительно к городам и урбанистической культуре, конечно, не уникален ни в русской, ни в мировой интеллектуальной истории: применительно к столице Российской империи достаточно вспомнить «Физиологию Петербурга» и вообще традиции русской натуральной школы или, скажем, «Душу Петербурга» Н. П. Анциферова. У Лотмана и Топорова, однако, анализ или конструирование «городского

¹ Лотман Ю. М. От редакции // Tartu riikliku ülikooli toimetised. Ученые записки Тартуского государственного университета. 644. Труды по знаковым системам. Вып. XVIII (Семиотика города и городской культуры. Петербург). Тарту, 1984. С. 3.

теста» зачастую приобретает сугубо метафизический и внеисторический характер: Петербург здесь в конечном счете понимается как единый сюжет, новый «основной миф», имеющий сотериологическое и провиденциальное значение национального масштаба: «В *петербургском* тексте русской литературы отражена квинтэссенция жизни на краю, над бездной, на грани смерти и намечаются пути к спасению»;² «петербургский текст — мощное полифоническое резонансное пространство, в вибрациях которого уже давно слышатся тревожные синкопы русской истории и леденящие душу „злые“ шумы времени. Значит, этот великий текст не только „напоминал“ о своем городе, а через него и обо всей России, но и предупреждал об опасности, и мы не можем не надеяться, по крайней мере, не предполагать, что у него есть еще и спасительная функция, знамения которой были явлены уже не раз за последние без малого два века».³ В дальнейшем «текстуальная урбанистика» Топорова получила, скажем так, экстенсивное развитие: многие российские филологи и культурологи решили, что если некоторое (желательно, конечно, большое) количество поэтов и прозаиков писали в своих сочинениях о каком-то городе, географической области и т. п., то из соответствующих произведений можно и нужно сконструировать подходящий к делу сверх- или метатекст. Вот, например, что пишет по этому поводу современная исследовательница из Архангельска: «За последние годы исследовательский интерес к локальным литературным сверхтекстам многократно возрос. Так, появились содержательные работы, посвященные Сибирскому тексту русской литературы и Алтайскому

² Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему) // *Tartu riikliku ülikooli toimetised. Ученые записки Тартуского государственного университета*. 644. Труды по знаковым системам. Вып. XVIII (Семиотика города и городской культуры. Петербург). Тарту, 1984. С. 29.

³ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. С. 66.

тексту как его отдельной составляющей. Активно исследуются Крымский, Вятский, Московский, Лондонский сверхтексты».⁴

Не останавливаясь сейчас на довольно сомнительных аналитических перспективах этой научной моды, отмечу, что в отечественной науке существует и другой подход к изучению «локальных текстов», более «приземленный» в этнографическом отношении и скорее игнорирующий мифопоэтический пафос, столь заметный у Топорова. Здесь речь главным образом идет о локальных идентичностях и способах их репрезентации, а также о нарративах и практиках, формирующих и отражающих «местный колорит», — их предлагается систематизировать и описывать «тезаурусным» методом.⁵ Иными словами, этот подход подразумевает репрезентацию локальных этнографических материалов в форме краеведческого словаря, туристического справочника или путеводителя.

Проблему «взаимной перекодировки» пространства, истории, практик повседневной жизни и текста (художественного, публицистического, академического и т. п.) так или иначе приходится решать каждому, кто садится за перо или клавиатуру компьютера. Решения, однако, здесь могут быть разными. В случае дискуссий о «локальном тексте» стоит, наверное, вспомнить критику, которую постструктуралисты адресовали своим предшественникам. Может ли «мифопоэтическая» или словарная «модель» такого текста

⁴ Галимова Е. III. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 2. Здесь же можно найти основную библиографию вопроса и указания на критику этого подхода. Впрочем, с 2012 г. количество российских исследований, посвященных «локальным текстам», возросло чуть ли не в геометрической прогрессии.

⁵ См. Лурье М. А. Локальный текст города и его словарное описание // Штеттл, XXI век: Полевые исследования / Сост. В. А. Дымшиц и др. СПб., 2008. С. 186—196; Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 419—442.

быть «ризоматичной» в терминологии Делеза и Гваттари? У меня нет в этом уверенности, как и в том, что рассматриваемые подходы позволяют нам увидеть специфику практик и репрезентаций, а не отдельных фактов.

Впрочем, я не хотел бы сейчас углубляться в теоретические дебаты. Задача этой статьи — предложить несколько иной взгляд на проблему текста и территории / локуса в филологических и антропологических исследованиях. «Ментальные карты» русской литературы XIX—XX веков вряд ли стоит прямо сопоставлять с географическими, да и вообще считать их двух-, а не трех- или даже четырехмерными. Поэтому разговор о «локальных текстах», по всей видимости, нужно начинать не с вопросов историко-географической / этнографической / мифопоэтической специфики тех или иных локусов либо зон, репрезентируемых и конструируемых текстами различного рода, а с типологии практик, благодаря которым, собственно говоря, и происходит различие и разграничение пространственных объектов при помощи различных дискурсивных средств. В этом смысле предлагаемый мной термин «гдовский текст» имеет лишь косвенное отношение к российскому городу Гдову самому по себе, о чем более подробно будет сказано ниже.

Концепция «литературы путешествий», или травелогов, отсылает к довольно широкому кругу практик — от паломничества и туризма до «этапа» в места заключения или военной оккупации чужой страны. В рамках этого «зонтичного термина» можно выделить разные типы текстов и способы репрезентации меняющегося пространства. Меня в данном случае интересует по-своему специфическая для России Нового времени категория транзитивности,⁶ подразумевающая, что значимыми в социальном,

⁶ В современном русском языке слово «транзитивность» чаще всего используется как термин математической логики, обозначающий одно из свойств отношения величин. Вместе с тем к нему прибегают и специалисты в области социальных наук, когда им нужно подчеркнуть

идеологическом, экономическом и иных смыслах оказываются относительно немногочисленные локусы (прежде всего — крупные города), находящиеся на больших расстояниях друг от друга, а географическое и культурное пространство, лежащее между ними, воспринимается как своего рода помеха, нечто, не обладающее структурой и смыслом вне идеи пути и перемещения из начального в конечный пункт путешествия. В этом контексте, наверное, уместно вспомнить идеи французского антрополога Марка Оже, высказанные, впрочем, совсем по другому поводу. Напомню, что он писал о «не-местах» (*non-lieux* или, в английском переводе, *non-places*) как специфическом для современного мира типе публичного пространства.⁷ Речь идет о «транзитивных территориях» — скоростных шоссе, международных аэропортах, крупных торговых центрах, где нет места локальной памяти и индивидуальной идентичности, а коммуникация, так сказать, становится «деперсонифицированной», редуцированной к чрезвычайно ограниченному набору знаков, действий и социальных позиций. Нечто подобное можно сказать и о «дорожных пунктах», которые рассматриваются в литературном тексте с точки зрения транзитивности: они имеют значение только в контексте пространственного перемещения и / или потребления реального либо воображаемого путешественника, они ничем не отличаются друг от друга, а люди, их населяющие, либо вообще не появляются в тексте, либо предстают абстрактными статистами, не обладающие индивидуальными чертами. В результате такие транзитивные пространства тоже оказываются

«переходный» статус того или иного явления (например, «транзитивное общество»). Для меня, однако, в этом понятии важен акцент на «внеадресности» адресанта высказывания и «детерриториализации» его содержания: транзитивность здесь указывает не на сам процесс перехода, а на неопределенность и аморфность пространства, в котором происходит этот последний.

⁷ Augé M. Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity / Transl. by John Howe. New York, 1995.

«не-местами», лишенными каких-либо структурных различий, их всего лишь нужно миновать на пути из одного реального места в другое. Сами по себе они призрачны, хаотичны и чужды авторам и их персонажам.

В русской литературе это, в свою очередь, рождает особый тип транзитивного высказывания, хорошо знакомый нам, в частности, по поэзии Пушкина. Я имею в виду не только хрестоматийные «Дорожные жалобы» (1830), но и менее известные тексты, например, следующее шестистишие, написанное в 1817 году:

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.⁸

Здесь, как и в шуточном «Itinéraire от Москвы до Новгорода» из письма Пушкина Соболевскому от 9 ноября 1826 года («У Гальяни иль Кольони...»),⁹ «дорожные» города и села в общем-то не обладают никакой спецификой или индивидуальностью безотносительно довольно однообразных взглядов и потребностей путешественника. По сути дела, транзитивное высказывание диаметрально противоположно традиционным формам травелога (будь то «сентиментальное путешествие» или иные типы путевых заметок), где пространство путешествия всегда наделяется какими-то смыслами, пускай даже не историко-этнографическими, а философскими, моральными и социально-политическими. Стоит, впрочем, помнить, что транзитивное высказывание — это не жанр, а стилистический прием или своего рода дискурсивная модель.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977. Т. 1. Стихотворения, 1813—1820. С. 275.

⁹ Там же. Т. 2. Стихотворения, 1820—1826. Л., 1977. С. 316—317.

Особенно примечательны в этой перспективе высказывания, основанные на своего рода «географических симулякрах», то есть дорожных пунктах, о которых автор вообще не знает ничего, кроме их названия. В этой статье я хотел бы более подробно остановиться на одном более позднем примере такого рода, связанном с поэтической репрезентацией города Гдова, сейчас — районного центра Псковской области, а некогда — уездного города Санкт-Петербургской губернии.

Гдову в истории русской литературы повезло немногим более, чем Луге и Новоржеву, хотя в известном смысле его «транзитивный потенциал» представляется более заметным. Через Лугу и поблизости от Новоржева во времена Пушкина проходил Белорусский почтовый тракт, с которого петербургские путешественники могли свернуть и на Псков. Однако через Гдов в XVIII—XIX веках тоже шел почтовый тракт из Нарвы во Псков, по которому, например, в 1780 году проезжала Екатерина II во время путешествия в Полоцкую и Могилевскую губернии.¹⁰ Кроме того, Гдов стоит на берегу Чудского (Пейпси) озера — естественной границы между условными «русским» и «североевропейским» мирами. Это обстоятельство, кстати сказать, оказало некоторое влияние и на литературный образ Гдовского края. В начале малоизвестного романа Жюль Верна «Драма в Лифляндии» (1893, опубликован в 1904) его герой — бежавший с сибирской каторги революционер Владимир Янов — апрельской ночью пересекает «лифляндскую границу» по озерному льду. В столь же малоизвестной повести «Пейпус-озеро» (1924) советского писателя В. Я. Шишкова юный писарь Северо-Западной армии Николай Ребров, наоборот, уходит по льду из Эстонии в Гдов, чтобы остаться в советской России. Наконец, приблизительно в то же время, когда происходит действие

¹⁰ Дневная записка путешествия императрицы Екатерины II в Могилев // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. Т. I. С. 390—392.

повести Шишкова, Николай Гумилев, в свою очередь, планировал побег от большевиков в Западную Европу по точно такому же маршруту. «Мы обдумывали планы бегства из советского рая, — вспоминал об этом Василий Немирович-Данченко, писатель и старший брат театрального режиссера. — Мне перед этим два раза отказали в выдаче заграничного паспорта. Другого выхода для меня не было. Он тосковал по яркому солнечному югу, вдохновлявшему его заманчивыми далями. <...> Я хотел уходить через Финляндию, он через Латвию. Мы помирились на эстонской границе. Наш маршрут был на Гдов, Чудское озеро. В прибрежных селах он знал рыбаков, которые за переброс нас на ту сторону взяли бы недорого».¹¹

В целом, однако, в литературных и публицистических текстах XX века Гдов встречается довольно редко. О нем, конечно, вспоминают в связи с предполагаемым местом Ледового побоища 1242 года, находящимся на территории района, но и здесь город, основанный только в XV веке, остается как-то в тени. С другой стороны, можно предположить, что само его название, восходящее, по-видимому, к балтскому корню *gud-, обладает своего рода фонетической привлекательностью, основанной на сочетании звонких согласных. Примечательно, скажем, что один из постоянных персонажей в рассказах современного российского писателя Е. А. Попова — литератор по фамилии Гдов.

Понятно, что Гдову (не литератору, а городу), так или иначе, можно «вменить» оригинальный «локальный текст» во всех ученых смыслах, упомянутых в начале этой статьи. Здесь есть своя (преимущественно «военно-патриотическая») мифопоэтика и локальная идентичность, свои «места памяти» и даже собственные литераторы. В конце советской эпохи в гдовском селе Спицыно жил на даче прозаик С. А. Воронин (1913—2002), и Гдовский район

¹¹ Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Ред.-сост. В. Крейд. Париж; Нью-Йорк, 1989. С. 228.

неоднократно фигурирует в его рассказах и повестях. В Гдове и по сей день обитает бывший советский журналист С. И. Каширин (род. 1929), в чьих «почвеннических» стихах и публицистике Гдову и его воображаемому героическому прошлому уделено немало внимания.¹² Правда, в истории русской литературы Каширин, по всей видимости, останется только благодаря тому, что о нем упоминает Довлатов в начале своего «Компромисса».¹³

Я, однако, собираюсь говорить о совсем других литературных репрезентациях Гдова. Они принадлежат поэтам, с которыми графомана Каширина сравнивать бессмысленно, а интересны именно как характерные примеры транзитивных высказываний. Речь идет о второй строфе стихотворения Иосифа Бродского «Представление» (1986 или 1987) и о стихотворении Александра Кушнера «В поезде» (2008). Приведу оба эти текста.

¹² См., например: *Каширин С. И.* Незнамо поле. Сказания о городе Гдове. Гдов, 1997; *Он же.* Глубынь-городок. Сказания о городе Гдове. СПб., 2001; *Он же.* Гдов — город героических вдов. Древнерусское предание. СПб., 2013.

¹³ Встречаю Логинова с телевидения.

«Привет. Ну, как?» — «Да вот, ишу работу». — «Есть вакансия. Газета „На страже Родины“. Запиши фамилию — Каширин». — «Это лысый такой?» — «Каширин — опытный журналист. Человек — довольно мягкий...» — «Дерьмо, — говорю, — тоже мягкое». — «Ты что, его знаешь?» — «Нет». — «А говоришь... Запиши фамилию».

Я записал.

Я достал свои газетные вырезки. Отобрал наиболее стоящие. Каширин мне не понравился. Тусклое лицо, армейский юмор. Взглянув на меня, сказал: «Вы, конечно, беспартийный?»

Я виновато кивнул.

С каким-то идиотским простодушием он добавил: «Человек двадцать претендовало на место. Поговорят со мной... и больше не являются. Вы хоть телефон оставьте».

Я назвал случайно осевший в памяти телефон химчистки (*Довлатов С.* Собр. соч.: В 4 т. СПб., 2005. Т. 1. С. 227). Стоит, наверное, добавить, что Каширин, прочитав этот пассаж, ужасно ополчился против покойного Довлатова и написал в ответ много гневных страниц. Но на этом я сейчас останавливаться не буду.

Бродский:

Входит Пушкин в летном шлеме, в тонких пальцах —
папираса.

В чистом поле мчится скорый с одиноким пассажиром.
И нарезанные косо, как полтавская, колеса
с выковыренным под Гдовом пальцем стрелочника жиром
оживляют скатерть снега, полустанки и развилки
обдавая содержимым опрокинутой бутылки.

Прячась в логово свое,
волки воют «Ё-моё».

«Жизнь — она как лотерея».
«Вышла замуж за еврея».
«Довели страну до ручки».
«Дай червонец до получки».¹⁴

Кушнер:

К вокзалу Царского Села
Не электричка подошла,
А поезд сумрачный из Гдова.
Уж очень плохо освещен.
Но проводник впустил в вагон
Нас, не сказав худого слова.

Сидячий поезд. Затхлый дух
Мы миновали трех старух,
Двух алкашей и мать с ребенком.
Спал, ноги вытянув, солдат.
Я оступился: Виноват!
И как на льду качнулся тонком.

¹⁴ Бродский И. А. Сочинения / Сост. и подг. Г. Ф. Комаров. СПб., 1994. Т. III. С. 114.

Садитесь, — нам сказал старик
В ушанке. Сели. Я приник
К окну. Проехали Шушары.
Сбежала по стеклу слеза.
Езды всего-то полчаса.
Уснул бы — снились бы кошмары.

Одно спасенье — ты со мной.
И, примираясь с вагонной тьмой,
Я примирюсь и с вечной тьмою.
Давно таких печальных снов
Не видел. Где он, этот Гдов?
Приедем — атлас я открою.¹⁵

Как мы видим, и в том и в другом тексте Гдов оказывается не просто провинциальным городком, но — железнодорожной станцией, откуда у Бродского мчатся скорые поезда, а у Кушнера едут «сумрачные» сидячие вагоны. Это важное для моих рассуждений обстоятельство требует, помимо всего прочего, и краткого исторического комментария.

Судьба Гдова в качестве «железнодорожного города» довольно своеобразна. В 1914 году сюда была проложена железная дорога из Пскова, а еще через 2 года эта ветка достигла Нарвы, и по ней открыли пассажирское движение. Ускоренное строительство железной дороги Псков–Гдов–Нарва было обусловлено военным временем: ее предполагалось использовать для нужд Северного фронта. В 1920 году — после заключения Тартуского мирного договора — восточное Принаровье отошло к Эстонии, поэтому транзитное сообщение здесь прервалось: поезд из Пскова ходил только до станции Поля, а эстонский участок дороги был вскоре разобран. В 1926 году было

¹⁵ Кушнер А. На фоне притихшей страны // Знамя. 2008. №7 — <https://magazines.gorky.media/znamia/2008/7/na-fone-pritihshej-strany.html>; дата обращения: 31.10.2020.

открыто Гдовское месторождение горючих сланцев: не-
подалеку от Полей появились рудники и начал строиться
шахтерский поселок (и будущий город) Сланцы. В конце
1930-х годов было решено соединить Сланцы со станцией
Веймарн на железной дороге Ленинград — Таллинн и, та-
ким образом, транзит был восстановлен. Это произошло
в 1940 году. Впрочем, уже через год вся дорога оказалась
в руках оккупантов и вскоре стала объектом «рельсовой
войны». Особенно досталось от партизан участку между
Гдовом и Псковом, так что, в конце концов, немецкое ко-
мандование решило его полностью демонтировать и от-
править рельсы на переплавку. После войны этот перегон
не был восстановлен, и железная дорога снова перестала
быть транзитной, а Гдов на многие десятилетия стал ту-
пиком — конечной станцией, куда ходил особый (и вовсе
не скорый) поезд из Ленинграда / Санкт-Петербурга.
Надо сказать, что, несмотря на относительно небольшое
расстояние между Гдовом и Петербургом (около 200 кило-
метров), путешествие по железной дороге между этими
городами занимало довольно много времени: в 1948 году —
9 часов, в 1957-м — 8, а в 1986-м — 7.

Здание бывшего железнодорожного вокзала в г. Гдове. 2020 г.
Фото автора

Однако гдовскому железнодорожному вокзалу не удалось дожить до столетнего юбилея. В 2012 году ОАО РЖД приняло решение о прекращении убыточного пассажирского сообщения с малолюдным Гдовом: поезд из Петербурга стал ходить только до Сланцев. Участок железной дороги между Сланцами и Гдовом начал приходить в запустение. Одна часть рельсов с него была украдена местными жителями, другая — демонтирована самими железнодорожниками. Так Гдов окончательно утратил свой «железнодорожный» статус, и теперь приехать в (или уехать из) него на поезде невозможно.

Вернемся к поэзии.

«Представление», — по всей видимости, одно из самых «постмодернистских» и «интертекстуальных» стихотворений Бродского — было впервые опубликовано в «Континенте» в 1990 году. В известной степени оно, как и некоторые другие сочинения поэта конца 1980-х — начала 1990-х годов было вдохновлено идеологической атмосферой и топикой Перестройки. Эти годы, помимо всего прочего, были для русского общества временем своего рода рефлексии относительно итогов советского семидесятилетия (хотя мало кто думал в середине 1980-х годов, как близок конец СССР). «Представление» в общем-то решает похожие задачи, только применительно к русскому языку, литературе и массовой культуре. Оно основано на сложной игре с литературными, идеологическими, культурными и бытовыми клише советской эпохи. Не останавливаясь сейчас на подробном анализе этого стихотворения,¹⁶ напомним, что оно построено как

¹⁶ См.: *Кэмпбелл Т.* Трудности перевода стихотворения Иосифа Бродского «Представление» с русского на английский // Митин журнал. 1995. Вып. 53. С. 173—222. <http://www.vavilon.ru/metatext/mj53/campbell.html>; дата обращения: 31.10.2020; *Максудов С., Покровская Н.* К представлению «Представления» // Russian Literature. 2001. Vol. 49. P. 449—488; *Петрушанская Е. М.* Музыкальный мир Иосифа Бродского. СПб., 2004. С. 141—160.

серия «явлений» различных персонажей (скорее раешных, чем театральных) в окружении своего рода ассоциативных декораций — визуальных, языковых и музыкальных, а также реплик «хора», клишированных форм повседневной речи, не имеющих непосредственного отношения к происходящему на сцене. Во второй строфе на сцену выходит Пушкин «в летном шлеме» и с папиросой «в тонких пальцах», что, возможно, отсылает к советскому анекдоту об «асе Пушкине», но в любом случае указывает на «советизацию» поэта. Важно, однако, что появление этого персонажа вводит в стихотворение тему дороги — «одиноким зимней поездки по бесконечным русским просторам»,¹⁷ — которая, впрочем, сразу же подвергается двойной травестии. С одной стороны, как полагают Т. Кэмпбелл, Е. М. Петрушанская и Д. Н. Ахапкин,¹⁸ здесь стоит иметь в виду аллюзию на мажорную и столь же советизированную «Попутную песню», написанную Михаилом Глинкой на стихи Нестора Кукольника с рефреном «веселится и ликует весь народ». «„Попутная песня“ Глинки, — пишет Петрушанская, — традиционно связывается с „народным ликованием“, с образом летящей России, ее искусственно „спрямленного“ пути». С другой стороны, по справедливому (хотя изложенному и не очень хорошим языком) наблюдению Кэмпбелла, перед нами — сложно и изящно построенное изображение «дорожной попойки»: «термины из мира „попойка в поезде“ переплетаются с терминами, олицетворяющими саму железную дорогу. Одновременно описываются стремительный полет поезда по снежному пространству... и происходящая попойка. Колеса = нарезанная колбаса; выковыренные кусочки жира = пробелы в колесах; снежное поле = белая скатерть; полустанки и развилки (по звуковой ассоциации) =

¹⁷ Максудов С., Покровская Н. Указ. соч. С. 398.

¹⁸ Ахапкин Д. Иосиф Бродский после России. Комментарии к стихам И. Бродского (1972—1995). СПб., 2009. С. 89.

стаканы и вилки; содержимое бутылки (т. е. „перегар“) = дым из трубы поезда. Бродский изображает „пьяным“ образом картинку мчащегося по снежному полю поезда с его дымящейся трубой». ¹⁹ Единственное, в чем, на мой взгляд, здесь ошибается исследователь — это перегар. Речь, скорее всего, идет о вылившейся из «опрокинутой бутылки» жидкости, то есть или о бутылке, выброшенной из окна, или о моче либо рвоте «одинокого пассажира» и его несуществующих собутыльников.

С. Максудов и Н. Покровская отметили, что Гдов — «тупиковая станция небольшого отрезка железной дороги, так что скорому поезду там делать совершенно нечего», и допустили, что название городка появляется в стихотворении по фонетическим причинам («он... полезен в акцентировании буквы «в» — «выковыранным под Гдовом»). Здесь же, однако, они сделали сразу две смешные и вряд ли позволительные университетским профессорам ошибки, сообщив читателю, что Гдов «проезжал Пушкин, направляясь из Петербурга в Михайловское» (а тот, конечно, в Гдове никогда не бывал и ездил в свою деревню через Лугу по упомянутому Белорусскому тракту) и что здесь «Николаю II пришлось подписать отречение от престола» (фонетическая пара Гдов–Дно, конечно, тоже по-своему примечательна). Ошибки эти, однако, симптоматичны, поскольку они выдают стремление придать транзитивному высказыванию Бродского хоть какой-то культурно-исторический смысл и превратить «не-место» в «место памяти».

Лирический герой Кушнера, в отличие от раешных персонажей Бродского, садится в реально существующий вагон: поэт вместе со своей спутницей (или музой?) возвращается в город из Царского Села, но вместо шумной и ярко освещенной электрички ему подворачивается поезд Гдов–Санкт-Петербург, который в 2000-е годы здесь

¹⁹ Кэмпбелл Т. Указ. соч.

действительно останавливался. «Железнодорожная» тема вообще не чужда Кушнеру,²⁰ и его герои, сидя в купе, не пьют и закусывают, а «глядят на метель», пленяясь своей причастностью к «заснеженным пространствам» и холодному воздуху за окном: «С Карениной мы наглотались его, // С Петрушей Гриневым и в детстве военном» («Кто едет в купе и глядит на метель...», 1978). Однако, как отмечает современный исследователь творчества Кушнера, в его «стихах 2000-х годов, где возникает синтез железнодорожных и любовных мотивов, ключевым становится мотив присутствия героини как залога спасения от угрожающего герою и миру мрака и хаоса».²¹ Стихотворение «В поезде» — не исключение. Монолог здесь намеренно инфантилен и манерен: «сумрачный поезд», в который случайно садится пара, мало отличается от страшного или депрессивного сна, а его пассажиры — три старухи, два алкаша, мать с ребенком, спящий солдат и старик в ушанке — выглядят невольными агентами «мрака и хаоса». Это обитатели провинциальной России, которых породил неведомый поэту Гдов и которым нет места в жизни петербургского интеллигента, возвращающегося из своего очередного царскосельского паломничества. В такой перспективе Гдов тоже предстает «не-местом», рождающим кошмары, а стихотворение Кушнера — «транзитивным высказыванием», хотя и с несколько другой оптикой: здесь сам поезд оказывается не структурированным и не имеющим смысла пространством.

Интересно, конечно, вспоминал ли Кушнер «Представление», когда писал эти стихи. Напомню, что незадолго до смерти Бродского, если воспользоваться его же выражением, между двумя поэтами «вышла ссора». Кушнер несколько по-викториански и с довольно типичным для

²⁰ См.: Кулагин А. В. Железная дорога в лирике А. Кушнера: типология лирических ситуаций // Вестник Гос. соц.-гуманит. ун-та. Коломна, 2018. № 1. Гуманит. науки. С. 16–29; Он же. Поэтический Петербург Александра Кушнера. Коломна, 2020. С. 308–340.

²¹ Кулагин А. В. Железная дорога в лирике А. Кушнера... С. 19.

поздней советской интеллигенции нравоучительным пафосом отозвался о коллоквиальной лексике в стихах Бродского,²² а тот в ответ написал довольно резкое «Письмо в оазис» (1992). Значительная часть «Представления» как раз и представляет собой игру с повседневным языком, разговорными клише и «сниженными» образами, а «В поезде» демонстрирует противоположное стремление отгородиться и избавиться от «простонародного» мира. Но, как бы то ни было, и в том, и в другом тексте Гдов в равной степени выглядит географическим симулякром, о котором нужно справляться в атласе, своего рода потусторонним пространством, обладающим для обоих поэтов лишь одной характеристикой — транзитивностью.

«Железнодорожные» мотивы, образы и даже сюжеты (как, скажем, в «Желтой стреле» Пелевина) занимают довольно важное место в русской литературе XIX — XX веков, при том что тема эта до сих пор исследована не слишком хорошо.²³ «Железная дорога, — пишет Н. А. Непомнящих, — являет собой один из „магистральных“ и сквозных образов новой русской литературы... <...> В XIX веке железная дорога в основном осмысляется как дорога на „тот свет“ или воспринимается как гибельное место, „силам адовым сродни“. В XX веке она становится символом пути к новому обществу и общественному идеалу. Кроме того, железная дорога может представлять собой метафору как самого исторического пути России,

²² «Пушкинские языковые „вольности“ недаром были переведены в особый, низкий жанр приятельского послания, эпиграммы, простонародной стилизации, пародийной или шуточной поэмы и отделены глухой перегородкой от его лирики. С тех пор ничего не изменилось, ибо меняется поэтика — поэзия неизменна: цинизм ей противопоказан» (Кушнер А. С. Аполлон в снегу. Заметки на полях. Л., 1991. С. 442).

²³ См., в частности: Непомнящих Н. А. Железная дорога как комплекс мотивов в русской лирике и эпике (обзор) // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2011. С. 92—105; Константинова Н. В. «Железнодорожные сюжеты» в современной прозе (на материале сборника «Красная стрела») // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 2. С. 185—193.

так и российского общества. Во всех случаях движение по ней приобретает метафорическое значение».²⁴ В нашем случае, однако, важно, что оба текста, помещающие Гдов в контекст «железнодорожной топики», связаны с более общей литературной традицией транзитивных высказываний, создающих географические симулякры. Понятно, что примеры такого рода можно найти не только в русской литературе, однако здесь они особенно ясно высвечивают специфику пространственного воображения, характерную для русской культуры Нового времени с ее «имперской географией», противопоставляющей центр (или центры) и периферию как «места» и «не-места». Очевидно также, что перечень таких симулякров применительно не только к литературе, но и к русской словесности вообще может быть достаточно длинным: в этом контексте, например, стоит вспомнить еще один железнодорожный тупик — стоящий на Хопре город Урюпинск, который также нередко вспоминают как своего рода универсальную репрезентацию русской провинции и провинциальности. Я, однако, считаю возможным, говоря о подобных транзитивных высказываниях, использовать понятие «гдовский текст» и надеюсь, что оно займет должное место в концептуальном аппарате отечественного литературоведения.

²⁴ *Непомнящих Н. А.* Указ. соч. С. 105.